

**Я ДРАЛСЯ
НА Т-34**

**ФРОНТОВАЯ ПРАВДА
ПОБЕДИТЕЛЕЙ**

**АРТЕМ
ДРАБКИН**

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 94(47+57)“1941/45”
ББК 63.3(2)622
Д72

Фотография на обложке: © *Ольга Ландер / РИА Новости*
Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Драбкин, Артем Владимирович.

Д72 Я дрался на Т-34. Фронтовая правда победителей / Артем Драбкин. — Москва: Яуза-пресс, 2023. — 864 с. — (Танки в бою).

ISBN 978-5-9955-1127-4

На фронтах Великой Отечественной войны воевало более 50 000 танков Т-34 различных модификаций. Недаром он стал главным символом Победы и, вознесенный на пьедестал, стоит как памятник Освобождению по всей России и половине Европы.

Эта книга дает возможность увидеть войну глазами экипажей Т-34 — через прицел наводчика, приоткрытый люк механика-водителя, командирскую панораму.

«Только я успел крикнуть: „Пушка справа!“, как болванка пробил броню. Старшего лейтенанта разорвало на части, и вся кровь с него, оторванные куски тела... все это на меня! Мне достался в ногу мелкий осколок от брони, который я потом сам смог вытащить, а механику-водителю осколок попал в плечо. Но танк еще оставался на ходу, и тот, одной рукой переключая рычаг скоростей, вывел „тридцатьчетверку“ из-под огня...»

«Я принял решение контратаковать с фланга прорвавшиеся немецкие танки. Сам сел на место наводчика. Расстояние до них было метров четыреста, да к тому же они шли бортами ко мне, и я быстро поджег два танка и два самоходных орудия. Брешь в нашей обороне была ликвидирована, положение стабилизировалось...»

**УДК 94(47+57)“1941/45”
ББК 63.3(2)622**

ISBN 978-5-9955-1127-4

© Драбкин А.В., 2023
© ООО «Яуза-пресс», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

★ «Это никогда не должно повториться!» — лозунг, провозглашенный после Победы, стал основой всей внутренней и внешней политики Советского Союза в послевоенный период. Выйдя победительницей из тяжелейшей войны, страна понесла огромные людские и материальные потери. Победа стоила более 27 миллионов жизней советских людей, что составило почти 15% численности населения Советского Союза перед войной. Миллионы наших соотечественников погибли на полях сражений, в немецких концентрационных лагерях, умерли от голода и холода в осажденном Ленинграде, в эвакуации. Тактика «выжженной земли», проводившаяся в дни отступления обеими воюющими сторонами, привела к тому, что территория, на которой до войны проживало 40 миллионов человек и которая производила до 50% валового национального продукта, лежала в руинах. Миллионы людей оказались без крыши над головой, жили в примитивных условиях. Страх повторения подобной катастрофы довлел над нацией. На уровне руководителей страны это выливалось в колоссальные военные расходы, легшие непосильным бременем на экономику. На нашем, обывательском, уровне этот страх

выражался в создании некоторого запаса «стратегических» продуктов — соли, спичек, сахара, консервов. Я очень хорошо помню, как в детстве бабушка, познавшая голод военного времени, все время старалась меня чем-нибудь накормить и очень огорчалась, если я отказывался. Мы же, дети, родившиеся через тридцать лет после войны, в наших дворовых играх продолжали делиться на «своих» и «немцев», и первыми немецкими фразами, которые мы выучили, были «хенде хох», «нихт шиссен», «Гитлер капут». Почти в каждом нашем доме можно было найти напоминание о прошедшей войне. У меня сохранились отцовские награды и немецкий ящик из-под противопожарных фильтров, стоящий в коридоре моей квартиры, на который удобно присесть, завязывая шнурки ботинок.

Травма, нанесенная войной, имела и еще одно последствие. Попытка быстрее забыть ужасы войны, залечить раны, а также желание скрыть просчеты руководства страны и армии вылились в пропаганду обезличенного образа «советского солдата, вынесшего на своих плечах всю тяжесть борьбы с немецким фашизмом», восхваление «героизма советского народа». Проводимая политика преследовала своей целью написание однозначно трактуемой версии событий. Как следствие такой политики, воспоминания участников боев, опубликованные в советский период, носили видимые следы внешней и внутренней цензуры. И только к концу 80-х годов стало возможным откровенно говорить о войне.

Основной задачей этой книги является знакомство читателя с индивидуальным опытом ветеранов-танкистов, воевавших на Т-34. Книга основана на литературно обработанных интервью с танкистами, собранными в период 2001—2004 годов. Под термином «литературная обработка» следует понимать исключительно приведение записанной устной речи в соответствие с нормами русского языка и выстраивание логической цепочки повествования. Я постарался максимально сохранить язык рассказа и особенности речи каждого ветерана.

Отмечу, что интервью как источник информации страдает рядом недостатков, которые надо учитывать, открывая эту книгу. Во-первых, не следует искать в воспоминаниях исключительной точности в описаниях событий. Ведь с того момента, когда

они происходили, прошло уже более шестидесяти лет. Многие из них слились воедино, некоторые просто стерлись из памяти. Во-вторых, нужно учитывать субъективизм восприятия каждого из рассказчиков и не бояться противоречий между рассказами разных людей и той мозаичной структуры, которая складывается на их основе. Думаю, что искренность и честность включенных в книгу рассказов более важны для понимания людей, прошедших через ад войны, чем пунктуальность в количестве машин, участвовавших в операции, или точной дате события.

Попытки обобщить индивидуальный опыт каждого человека, постараться отделить общие черты, характерные для всего военного поколения, от индивидуального восприятия событий каждым из ветеранов представлены в статьях «Т-34: танк и танкисты» и «Экипаж машины боевой». Ни в коей мере не претендуя на полноту картины, они тем не менее позволяют проследить отношение танкистов к вверенной им материальной части, взаимоотношения в экипаже, фронтовой быт. Надеюсь, что книга послужит хорошей иллюстрацией к фундаментальным научным трудам д.ист.н. Е. С. Сенявской «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» и «1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование».

А. Драбкин

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

★ Учитывая достаточно большой и стабильный интерес к книгам серии «Я дрался...» и сайту «Я помню» www.iremember.ru, я решил, что необходимо изложить немного теории научной дисциплины, называемой «устная история». Думаю, это поможет корректнее относиться к рассказываемым историям, понять возможности использования интервью в качестве источника исторической информации, может быть, подтолкнет читателя к самостоятельным исследованиям.

«Устная история» — крайне расплывчатый термин, которым описываются такие разноплановые по форме и содержанию действия, как, например, запись формальных, отрепетированных рассказов о прошлом, передаваемых носителями культурных традиций, или историй о «старых добрых временах», рассказываемых бабушками и дедушками в кругу семьи, а также создание печатных сборников историй разных людей.

Нужно понимать, что устная история движима не столько стремлением к поиску фактов, сколько интерпретаций событий. Если все же попытаться дать определение этой науке, то устная история — это сознательно выстроенный ис-

ходно предназначенный для записи разговор двух людей о различных аспектах прошлого, имеющих (в понимании обеих сторон) историческое значение. Несмотря на то что разговор имеет форму интервью, в котором один (интервьюер) задает вопросы другому (информанту), устная история по своей сути — диалог. Вопросы интервьюера являются продуктом его знаний и исторического интереса и вызывают соответствующий ответ информанта, полнота которого зависит от желания рассказать и ощущения важности вопроса. В свою очередь ответ информанта позволяет интервьюеру четче сформулировать вопрос, постараться добиться полноты ответа или, сменив вопрос, подойти к желаемому ответу с другой стороны. В основе наиболее информативных интервью лежит не только правильно сформулированная цель, готовность интервьюера и информанта к интервью, их психическое и физическое здоровье, но и те взаимоотношения, которые возникают между интервьюером и информантом. Интервью — это во многом рассказ о прошлом, сформированный в настоящем под воздействием не только содержания самого рассказа, но и временного контекста, в котором он рассказан. Каждое интервью — это, с одной стороны, реакция на конкретного человека и набор его вопросов, с другой — внутренняя потребность информанта поделиться своим опытом. Таким образом, можно смело говорить, что устная история — это результат взаимодействия интервьюера и информанта в момент встречи для записи интервью.

Сам термин возник не так давно, но не вызывает сомнений, что это наиболее древний способ изучения прошлого. Ведь в переводе с древнегреческого «хисторио» означает «хожу, расспрашиваю, узнаю». Одним из первых системный подход к устной истории был продемонстрирован в работе секретарей Линкольна Джона Николэя и Уильяма Херндона, которые сразу после убийства 16-го президента США проделали работу по сбору воспоминаний о нем. Эта работа включала в себя в том числе и интервьюирование людей, близко знавших и работавших с ним. Однако большинство работ, выполненных до появления аудио- и видеорегистрирующей аппаратуры, с трудом можно подвести под определение «устная история». Хотя методология проведения интервью была более или менее отработана, отсут-

ствие аудио- и видеозаписывающих устройств обуславливало использование записей от руки, что неизбежно ставит вопрос об их точности и совершенно не передает эмоциональный настрой интервью. Кроме того, большинство интервью были сделаны спонтанно, без каких-либо намерений создать постоянный архив.

Большинство историков рассматривают начало устной истории как науки с работ Аллана Невинса из Колумбийского университета. Невинс был инициатором систематической работы по записыванию и сохранению воспоминаний, имеющих историческую ценность. Работая над биографией президента Говарда Кливленда, Невинс пришел к выводу о необходимости интервьюирования участников недавних исторических событий для обогащения письменных источников. Свое первое интервью он записал в 1948-м. С этого момента началась история Columbia Oral History Research Office — крупнейшей коллекции интервью в мире. Первоначально сфокусированные на элите общества, интервью все больше стали специализироваться на записывании голосов «исторически молчащих» — этнических меньшинств, необразованных, а также тех, кто считает, что ему нечего сказать, и т. д.

В России одним из первых устных историков можно считать доцента филологического факультета МГУ В.Д. Дувакина (1909—1982). Будучи исследователем творчества В.В. Маяковского, первые свои записи В.Д. Дувакин сделал, беседуя с людьми, знавшими поэта. Впоследствии тематика записей значительно расширилась. На основе его коллекции магнитофонных записей бесед с деятелями отечественной науки и культуры в структуре Научной библиотеки МГУ в 1991 году был создан отдел устной истории.

Для историков интервью является не только ценным источником новых знаний о прошлом, но и открывает новые перспективы интерпретации известных событий. Интервью особенно обогащают социальную историю, давая представление о повседневной жизни, ментальности так называемых «простых людей», которое недоступно в «традиционных» источниках. Таким образом, интервью за интервью создается новый пласт знаний, где каждый человек действует осознанно, на своем уровне принимая «исторические» решения.

Разумеется, не вся устная история подпадает под категорию социальной истории. Интервью с политиками и их сподвижниками, крупными бизнесменами и культурной элитой позволяют открыть подноготную произошедших событий, раскрывают механизмы и мотивы принятия решений, персональное участие информанта в исторических процессах.

Кроме того, интервью иногда просто хорошие истории. Их специфичность, глубокая персонификация и эмоциональная насыщенность делают их легкими для чтения. Аккуратно отредактированные, с сохраненными индивидуальными речевыми особенностями информанта, они помогают воспринять опыт поколения или социальной группы через личный опыт человека.

Какова же роль интервью как исторического источника? На самом деле несогласованности и конфликты среди индивидуальных интервью и между интервью и другими свидетельствами указывают на неотъемлемо субъективную природу устной истории. Интервью — это грубый материал, последующий анализ которого совершенно необходим для установления истинности. Интервью — это акт памяти, наполненной неточной информацией. Это неудивительно, учитывая, что рассказчики сжимают годы жизни в часы рассказа о ней. Они часто озвучивают названия и даты неправильно, соединяют разные события в единый случай и т. д. Конечно, устные историки стараются сделать рассказ «чистым» путем исследования событий и правильного подбора вопросов. Однако наиболее интересно получение общей картины событий, в которых акт запоминания был совершен, или, другими словами, социальная память, нежели изменения индивидуальной памяти. Это одна из причин, по которой интервью — не простой материал для анализа. Хотя информанты говорят о себе, то, что они говорят, далеко не всегда совпадает с действительностью. Восприятие рассказываемых историй буквально достойно критики, поскольку интервью, как и любой источник информации, должно быть взвешенным — не обязательно то, что красочно рассказывается, является таким на самом деле. Если информант «был там», совершенно не значит, что он отдавал себе отчет в том, «что происходит». При анализе интервью первое, на что надо обратить внимание, — это надежность рассказчика и актуальность/достоверность темы его рас-

сказа плюс личная заинтересованность в интерпретации событий тем или иным образом. Достоверность интервью может быть проверена при сопоставлении с другими рассказами на сходную тему, а также документальными свидетельствами. Таким образом, использование интервью как источника лимитировано его субъективностью и неточностью, однако в сочетании с другими источниками расширяет картину исторических событий, внося в нее личностный оттенок.

Все вышесказанное позволяет рассматривать интернет-проект «Я помню» и его производные — книги серии «Я дрался...» — как часть работы по созданию коллекции интервью с ветеранами Великой Отечественной войны. Проект был инициирован мной в 2000 году как частная инициатива. Впоследствии он получил поддержку Федерального агентства по печати и издательства «Яуза». На сегодняшний день собрано порядка 600 интервью, что, конечно, очень мало, учитывая, что только на территории России живы еще порядка миллиона ветеранов войны. Нужна ваша помощь.

Артем Драбкин

T-34: ТАНК И ТАНКИСТЫ

Алексей ИСАЕВ

Против Т-34 немецкие машины были говно.

Капитан А.В. Марьевский

«Я смог. Я продержался. Разгромил пять закопанных танков. Они ничего не могли сделать потому, что это были танки Т-Ш, Т-IV, а я был на «тридцатьчетверке», лобовую броню которого их снаряды не пробивали».

Немногие танкисты стран — участниц Второй мировой войны могли повторить эти слова командира танка Т-34 лейтенанта Александра Васильевича Боднаря в отношении своих боевых машин. Советский танк Т-34 стал легендой в первую очередь потому, что в него верили те люди, которые садились за рычаги и к прицельным приспособлениям его пушки и пулеметов. В воспоминаниях танкистов прослеживается мысль, высказанная известным русским военным теоретиком А. А. Свечиным: «Если значение материальных средств на войне весьма относительно, то громадное значение имеет вера в них». Свечин прошел офицером пехоты Великую войну 1914—1918 годов, видел дебют на поле боя тяжелой артиллерии, аэропланов и бронетехники, и он знал, о чем говорил. Если у солдат и офицеров есть вера в доверенную им технику, то они будут действовать смелее и решительнее, прокладывая себе путь к победе. Напро-

тив, недоверие, готовность бросить мысленно или реально слабый образец вооружения приведут к поражению. Разумеется, речь идет не о слепой вере, основанной на пропаганде или домыслах. Уверенность в людей вселяли особенности конструкции, разительно выделявшей Т-34 из ряда боевых машин того времени: наклонное расположение листов брони и дизельный двигатель В-2.

Принцип увеличения эффективности защиты танка вследствие наклонного расположения листов брони был понятен любому, изучавшему в школе геометрию. «В Т-34 броня была тоньше, чем у «Пантер» и «Тигров». Общая толщина примерно 45 мм. Но поскольку она располагалась под углом, то катет составлял примерно 90 мм, что затрудняло ее пробитие», — вспоминает командир танка лейтенант Александр Сергеевич Бурцев. Использование в системе защиты геометрических построений вместо грубой силы простого наращивания толщины бронелистов давало в глазах экипажей «тридцатьчетверок» неоспоримое преимущество их танку над противником. «Расположение броневых листов у немцев было хуже, в основном вертикально. Это, конечно, большой минус. У наших танков они располагались под углом», — вспоминает командир батальона капитан Василий Павлович Брюхов.

Разумеется, все эти тезисы имели не только теоретическое, но и практическое обоснование. Немецкие противотанковые и танковые орудия калибром до 50 мм в большинстве случаев не пробивали верхнюю лобовую деталь танка Т-34. Более того, даже подкалиберные снаряды 50-мм противотанкового орудия ПАК-38 и 50-мм орудия танка Т-Ш с длиной ствола 60 калибров, которые по тригонометрическим расчетам должны были пробивать лоб Т-34, в реальности ricochetировали от наклонной брони высокой твердости, не причиняя танку никакого вреда. Проведенное в сентябре — октябре 1942 г. НИИ-48¹ статистическое исследование боевых повреждений танков Т-34, проходивших ремонт на рембазах № 1 и № 2 в Москве, показало, что из 109 попаданий в верхнюю лобовую деталь танка 89%

¹ Центральный научно-исследовательский институт № 48 Наркомата танковой промышленности.

Танк Т-34 1941 года выпуска

были безопасными, причем опасные поражения приходились на орудия калибром 75 мм и выше. Конечно, с появлением у немцев большого числа 75-мм противотанковых и танковых пушек ситуация усложнилась. 75-мм снаряды нормализовывались (разворачивались под прямым углом к броне при попадании), пробивая наклонную броню лба корпуса Т-34 уже на дальности 1200 м. Столь же малочувствительны к наклону брони были 88-мм снаряды зенитных пушек и кумулятивные боеприпасы. Однако доля 50-мм орудий в вермахте вплоть до сражения на Курской дуге была существенной, и вера в наклонную броню «тридцатьчетверки» была во многом оправданной.

Сколько-нибудь заметные преимущества перед броней Т-34 отмечались танкистами только в бронезащите английских танков: «... если болванка пробила башню, то командир английского танка и наводчик могут остаться живыми, поскольку осколков практически не образуется, а в «тридцатьчетверке» броня крошилась, и шансов выжить у находящихся в башне было мало», — вспоминает В. П. Брюхов.

Это было связано с исключительно высоким содержанием никеля в броне английских танков «Матильда» и «Валентайн». Если советская 45-мм броня высокой твердости содержала 1,0—1,5% никеля, то броня средней твердости английских танков содержала 3,0—3,5% никеля, что обеспечивало несколько большую вязкость последней. Вместе с тем никаких доработок защиты танков Т-34 силами экипажей в частях не производи-

лось. Только перед Берлинской операцией, по словам подполковника Анатолия Петровича Швевига, бывшего заместителем командира бригады 12-го гвардейского танкового корпуса по технической части, на танки наваривали экраны из металлических кроватных сеток для защиты от фаустпатронов. Известные случаи экранировки «тридцатьчетверок» — это плод творчества ремонтных мастерских и заводов-производителей. То же можно сказать и о покраске танков. С завода танки приходили выкрашенные в зеленый цвет внутри и снаружи. При подготовке танка к зиме в задачу заместителей командиров танковых частей по технической части входила покраска танков белилами. Исключение составила зима 1944/45 г., когда война шла на территории Европы. Ни один из ветеранов не помнит, чтобы на танки наносился камуфляж.

Еще более очевидной и внушающей уверенность деталью конструкции Т-34 был дизельный двигатель. Большинство проходивших обучение в качестве механика-водителя, радиста или даже командира танка Т-34 в мирной жизни так или иначе сталкивались с топливом, по крайней мере с бензином. Они хорошо знали из личного опыта, что бензин летуч, легко воспламеняется и горит ярким пламенем. Вполне очевидные эксперименты с бензином использовали инженеры, руками которых был создан Т-34. «В разгар спора конструктор Николай Кучеренко на заводском дворе использовал не самый научный, зато наглядный пример преимущества нового топлива. Он брал зажженный факел и подносил его к ведру с бензином — ведро мгновенно охватывало пламя. Потом тот же факел опускал в ведро с дизельным топливом — пламя гасло, как в воде...»¹ Этот эксперимент проецировался на эффект от попадания в танк снаряда, способного поджечь топливо или даже его пары внутри машины. Соответственно, члены экипажей Т-34 относились к танкам противника в некоторой степени свысока. «Они же были с бензиновым двигателем. Тоже большой недостаток», — вспоминает стрелок-радист старший сержант Петр Ильич Кириченко. Такое же отношение было к танкам, поставлявшимся по ленд-лизу («Очень многие погибли потому, что в него пуля попала, а там

¹ *Ибрагимов Д. С.* Противоборство. М.: ДОСААФ, 1989. С. 49—50.

же бензиновый двигатель и броня ерундовая», — вспоминает командир танка младший лейтенант Юрий Максович Поляновский), и советским танкам и САУ, оснащенным карбюраторным двигателем («Как-то в наш батальон пришли СУ-76. Они были с бензиновыми двигателями — зажигалка самая настоящая... Они в первых же боях все сгорели...» — вспоминает В. П. Брюхов). Наличие в моторном отделении танка дизельного двигателя вселяло в экипажи уверенность в том, что шансов принять страшную смерть от огня у них куда меньше, чем у противника, танки которого заправлены сотнями литров летучего и легко воспламеняющегося бензина. Соседство с большими объемами горючего (оценивать количество ведер которого танкистам приходилось каждый раз при заправке танка) скрадывалось мыслью, что поджечь его снарядам противотанковых пушек будет труднее, а в случае возгорания у танкистов будет достаточно времени, чтобы выскочить из танка.

Однако в данном случае прямая проекция опытов с ведром на танки была не совсем обоснованной. Более того, статистически танки с дизельными двигателями не имели преимуществ в пожаробезопасности по отношению к машинам с карбюраторными моторами. По статистическим данным октября 1942 года, дизельные Т-34 горели даже немного чаще, чем заправлявшиеся авиационным бензином танки Т-70 (23% против 19%). Инженеры полигона НИИБТ в Кубинке в 1943 году пришли к выводу, прямо противоположному бытовой оценке возможностей возгорания различных видов топлива. «Применение немцами и на новом танке, выпущенном в 1942 году, карбюраторного двигателя, а не дизеля, может быть объяснено: [...] весьма значительным в боевых условиях процентом пожаров танков с дизелями и отсутствием у них в этом отношении значительных преимуществ перед карбюраторными двигателями, особенно при грамотной конструкции последних и наличии надежных автоматических огнетушителей»¹. Поднося факел к ведру с бензином, конструктор Кучеренко поджигал пары летучего топлива. Благоприят-

¹ Конструктивные особенности двигателя «Майбах HL 210 P45» и силовой установки немецкого тяжелого танка Т-VI («Тигр»). ГБТУ КА, 1943. С. 94.

ствующих для поджигания факелом паров над слоем солянки в ведре не было. Но этот факт не означал, что дизельное топливо не вспыхнет от куда более мощного средства воспламенения — попадания снаряда. Поэтому размещение топливных баков в боевом отделении танка Т-34 отнюдь не повышало пожаро-безопасность «тридцатьчетверки» в сравнении с ровесниками, у которых баки размещались в корме корпуса и подвергались попаданиям намного реже. В. П. Брюхов подтверждает сказанное: «Танк загорается когда? Когда снаряд попадает в бак с горючим. И горит он тогда, когда горючего много. А уже под конец боев горючего нет, и танк почти не горит».

Единственным преимуществом двигателей немецких танков перед двигателем Т-34 танкисты считали меньшую шумность. «Бензиновый двигатель, с одной стороны, огнеопасный, а с другой стороны — тихий. Т-34, он не только ревет, но и клацает гусеницами», — вспоминает командир танка младший лейтенант Арсентий Константинович Родькин. Силовая установка танка Т-34 изначально не предусматривала установки глушителей на выхлопные патрубки. Они выводились на корму танка без всяких звукопоглощающих устройств, грохоча выхлопом 12-цилиндрового двигателя. Помимо шума мощный двигатель танка поднимал пыль своим лишенным глушителя выхлопом. «Т-34 поднимает страшную пыль, потому что выхлопные трубы направлены вниз», — вспоминает А. К. Родькин.

Конструкторы танка Т-34 дали своему детищу две черты, выделявшие его среди боевых машин союзников и противников. Эти особенности танка прибавляли экипажу уверенности в своем оружии. Люди шли в бой с гордостью за доверенную им технику. Это было гораздо важнее действительного эффекта от наклона брони или реальной пожароопасности танка с дизельным двигателем.

Танки появились как средство защиты расчетов пулеметов и орудий от огня противника. Равновесие между защитой танка и возможностями противотанковой артиллерии довольно шаткое, артиллерия постоянно совершенствуется, и самый новый танк не может себя чувствовать безопасно на поле боя. Еще более шатким делают это равновесие мощные зенитные и корпусные орудия. Поэтому рано или поздно наступает ситуация,

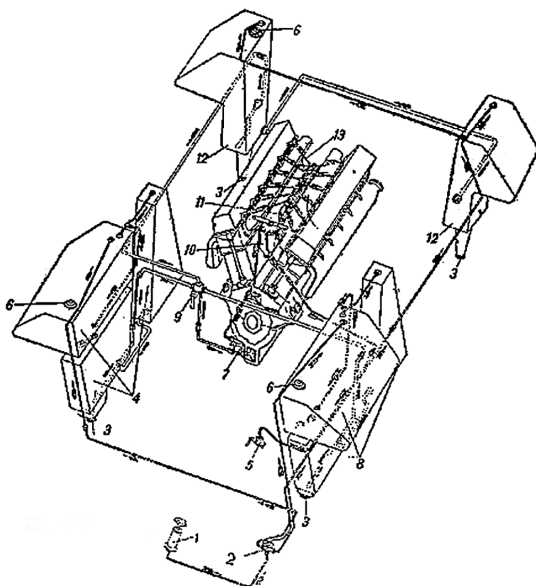

Схема питания двигателя топливом:

1 — воздушный насос; 2 — воздушный распределительный кран;
 3 — сливная пробка; 4 — правые бортовые баки; 5 — сливной кран;
 6 — заливная пробка; 7 — топливоподкачивающая помпа; 8 — левые бортовые баки; 9 — топливный распределительный кран; 10 — топливный фильтр; 11 — топливный насос; 12 — кормовые баки; 13 — топливопроводы высокого давления.

когда попавший в танк снаряд пробивает броню и превращает стальную коробку в ад.

Хорошие танки решали эту задачу и после смерти, получив одно или несколько попаданий, открывая путь к спасению людям внутри себя. Необычный для танков других стран люк механика-водителя в верхней лобовой детали корпуса Т-34 оказался на практике довольно удобным для покидания машины в критических ситуациях. Механик-водитель сержант Семен Львович Ария вспоминает: «Люк был гладкий, с закругленными краями, и влезть и вылезти из него не составляло никакого труда. Более того, когда ты вставал с места водителя, то уже высовывался

наружу практически по пояс». Еще одним достоинством люка механика-водителя танка Т-34 была возможность его фиксации в нескольких промежуточных относительно «открыто» и «закрыто» положениях. Устроен механизм люка был довольно просто. Для облегчения открывания тяжелый литой люк (толщиной 60 мм) подпирался пружиной, шток которой представлял собой зубчатую рейку. Переставляя стопор из зубца в зубец рейки, можно было жестко фиксировать люк, не опасаясь его срыва на ухабах дороги или поля боя. Механики-водители этим механизмом охотно пользовались и предпочитали держать люк приоткрытым. «Когда можно, всегда лучше с открытым люком», — вспоминает В. П. Брюхов. Его слова подтверждает и командир роты старший лейтенант Аркадий Васильевич Марьевский: «У механика люк всегда открыт на ладонь, во-первых, все видно, во-вторых, поток воздуха при открытом верхнем люке вентилирует боевое отделение». Таким образом обеспечивался хороший обзор и возможность быстро покинуть машину при попадании в нее снаряда. В целом механик был, по оценке танкистов, в наиболее выгодном положении. «Вероятность уцелеть самая большая была у механика. Он сидел низко, перед ним была наклонная броня», — вспоминает командир взвода лейтенант Александр Васильевич Боднар; по словам П. И. Кириченко: «Нижняя часть корпуса, она, как правило, скрыта за складками местности, в нее трудно попасть. А эта возвышается над землей. Главным образом в нее попадали. И гибли больше люди, которые сидят в башне, чем те, кто внизу». Здесь необходимо заметить, что речь идет об опасных для танка попаданиях. Статистически в начальном периоде войны большая часть попаданий приходилась на корпус танка. Согласно упомянутому выше отчету НИИ-48, на корпус приходился 81 % попаданий, а на башню — 19%. Однако больше половины общего числа попаданий были безопасными (несквозными): 89% попаданий в верхнюю лобовую деталь, 66% попаданий в нижнюю лобовую деталь и около 40% попаданий в борт не приводили к сквозным пробоям. Причем из попаданий в борт 42% общего их числа приходились на моторное и трансмиссионное отделения, поражения которых были безопасны для экипажа. Башня, напротив, сравнительно легко пробивалась. Менее прочная литая броня башни слабо сопро-